

И. А. Несмеянова

кандидат юридических наук,
доцент Департамента правового регулирования
экономической деятельности юридического факультета
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

**АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ
ОТНОШЕНИЙ РОССИИ, БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА**

**Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-011-00195**

Аннотация. Отмечается, что общая формулировка, содержащаяся в ст. 1192 «Нормы непосредственного применения» Гражданского кодекса РФ, устанавливает два способа, позволяющих по аналогии определять сверхимперативность тех или иных императивных материальных норм. Особое внимание уделено вопросам международной подсудности, применимого права, а также квалификации юридических понятий коллизионной нормы. Несмотря на серьезные различия правового регулирования международных частноправовых отношений, доказывается необходимость формирования новых правовых механизмов организации сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: интересы публичного порядка, императивные материальные нормы, сверхимперативные нормы, применимое право, имущественные отношения, брачный договор, режим собственности супругов.

Введение. Рассматривая вопрос интеграции законодательства России, Беларуси и Казахстана, целесообразно обозначить следующие направления для обсуждения:

- сверхимперативные нормы в сфере трансграничных брачно-семейных отношений;
- существенные/принципиальные различия или сходство норм, регулирующих сходные правоотношения;
- возможности унификации гражданского законодательства в сфере рассматриваемых правоотношений.

Основная часть. Первые шаги по унификации правового регулирования имущественных отношений супругов были

предприняты в рамках Гаагской конвенции о коллизиях законов относительно личных и имущественных отношений супругов от 17 июля 1905 г., а затем — Гаагской конвенцией о праве, подлежащем применению к режиму собственности супругов, от 14 марта 1978 г. Конвенция 1978 г., как указывает М. А. Цирина [1], направлена «на унификацию коллизионных норм в отношении имущественных последствий брака. Из сферы действия Конвенции исключены алиментные обязательства, отношения по наследованию, а также вопросы установления правоспособности супругов».

История развития интеграционных образований знает немного примеров регулирования семейных отношений, учитывая большое разнообразие в подходах, различия в национальных, религиозных традициях государств, в том числе различные требования к имущественному режиму супругов и др. [2].

В то же время семейное законодательство стран ЕАЭС в большинстве своем сходно, а в отношении многих институтов и тождественно (Кодекс Республики Казахстан «О браке и семье» от 26 декабря 2011 г. № 518-IV, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З), в частности, институт брака (условия и порядок вступления в брак, обстоятельства, препятствующие браку, прекращение брака и др.), супружеские отношения (режим общей совместной собственности как законный режим, брачный договор и др.).

В настоящее время вопрос имущественных отношений супругов в России, Беларуси и Казахстане решается исходя из различных подходов к самой сути регулирования личных отношений супругов. Однако юридические притязания различных правовых систем могут быть нивелированы при потенциальной гармонизации законодательств государств — членов ЕАЭС.

В России под брачным договором обычно понимается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения (ст. 40 СК РФ). Так, ст. 40, 42 Семейного кодекса РФ и ст. 256 ГК РФ брачным договором определяются имущественные права и обязанности супругов в браке и при его расторжении. Брачный договор не может противоречить основным началам семейного законодательства, не может регулировать личные имуще-

ственные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей; предусматривать положения, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Коллизионными являются нормы, закрепленные в ст. 1186 ГК РФ и ст. 161 СК РФ и определяющие, что личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства, а при его отсутствии — законодательством государства, на территории которого они имели последнее совместное место жительства; на территории Российской Федерации — законодательством Российской Федерации. Этой же нормой (ст. 161 СК РФ) декларируется принцип автономии воли — выбор супругами законодательства, подлежащего применению для определения их прав и обязанностей по брачному договору или по соглашению об уплате алиментов.

Аналогично определяется брачный договор в законодательстве большинства государств — членов Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), например Казахстана (ст. 39 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье»). В Беларуси ст. 13 Кодекса о браке и семье допускает включение в брачный договор, помимо имущественных отношений между супругами, и иных вопросов взаимоотношений между супругами, родителями и детьми.

В то же время нельзя не отметить возможное ограничение применения избранного супругами иностранного закона и при наличии в российском законодательстве норм непосредственного применения (сверхимперативных норм), которые регулируют соответствующее отношение независимо от подлежащего применению права (ст. 1192 ГК РФ) [3]. Несмотря на то что Семейный кодекс РФ такого правила не содержит, основанием для применения в области семейного права правил Гражданского кодекса РФ об императивных нормах является ст. 4 СК РФ, согласно которой к имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений. Из такого подхода следует, что ст. 1192 ГК РФ, предусматривающей применение императивных норм, не могут быть признаны основанные на подлежащем применению

иностранном праве условия брачного договора, ограничивающие правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав, право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания, а также другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение.

Данная норма, закрепленная в ст. 161 СК РФ, как замечает В. А. Канашевский, позволяет «определить право, применимое к режиму совместно нажитого имущества супругов и его разделу, но практическая реализация решения суда в отношении имущества, находящегося за рубежом, опять же зависит от наличия между Россией и соответствующей страной международного договора о признании решений по семейным делам, даже если это решение было вынесено на основании норм иностранного права» [4]. В этой связи представляют интерес «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019)» (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г.); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 декабря 2018 г. № 78-КГ18-67; Определение Верховного Суда РФ от 21 января 2014 г. № 78-КГ13-35 и др.

Сходно решаются вопросы имущественных отношений супругов в Казахстане: личные неимущественные отношения не являются составной частью предмета регулирования брачного договора. Брачный договор не устанавливает того, с кем должен остаться ребенок в случае развода супругов. Существенным ограничением при заключении брачного договора является то, что условия договора не должны ухудшать положение одной из сторон.

Несколько различаются подходы к регулированию имущественных отношений супругов в Беларуси. Например, законодательство Беларуси допускает регулирование брачным договором не только имущественных отношений между супругами, но и личных неимущественных отношений, в частности, связанных с воспитанием детей, причем регулирование личных неимущественных отношений возможно как самостоятельный предмет регулирования брачного договора, а не в качестве дополнения к регулированию имущественных отношений супругов. Брачный договор может иметь сложный правовой состав, содержащий в себе признаки различных правовых институтов.

Для регулирования семейных отношений с иностранным элементом важными источниками коллизионных норм являются международные соглашения. В настоящее время наибольшее внимание унификации и гармонизации уделено в двусторонних договорах о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и семейным делам, а также в аналогичных многосторонних договорах отдельных интеграционных образований. Унификация законодательства ЕАЭС в частноправовой сфере пока ограничивается отдельными институтами гражданского законодательства, в то же время установление различного рода социальных гарантий имеет важное значение для интеграционных образований, поэтому последовательная унификация законодательства о физических лицах может способствовать экономической интеграции в рамках ЕАЭС.

Таким образом, как указывает Д. В. Мартасов, можно отметить, что судебная практика по вопросам раздела зарубежного имущества супругов кардинально меняется: если до 2018 г. данные вопросы подлежали рассмотрению исключительно в судах иностранного государства по месту нахождения имущества, то сейчас указанные вопросы рассматриваются судами общей юрисдикции Российской Федерации, если иное не предусмотрено договором о правовой помощи по гражданским делам или иными соглашениями между государствами [5].

Учитывая европейскую практику расширения круга отношений, регулируемых брачными договорами и иными соглашениями, предпосылки для интеграции трансграничных брачно-семейных отношений, и их регулирования в рамках ЕАЭС имеют хорошую перспективу, в том числе и в плане изменений в определении права, подлежащего применению к личным и имущественным отношениям супругов.

Анализируя свержимперативные нормы в трансграничных отношениях, О. Ф. Засемкова делает вывод, что коллизионное регулирование имущественных аспектов брачно-семейных отношений в странах — участницах Европейского союза осуществляется двумя регламентами (Регламентом Европейского парламента и совета ЕС № 2016/1103 о сотрудничестве в сфере юрисдикции, применимого права, признания и приведения в исполнение решений по делам о режиме имущества супругов, а также Регламентом Европейского пар-

ламента и совета ЕС № 2016/1104 о сотрудничестве в сфере юрисдикции, применимого права, признания и приведения в исполнение решений в отношении имущественных последствий зарегистрированных партнерств), которые закрепляют возможность применения сверхимперативных норм к трансграничным брачно-семейным отношениям [6]. При этом возможность применения таких положений к трансграничным брачно-семейным отношениям существует и в странах, не входящих в состав ЕС (при условии, что их законодательство, как, например, в Беларуси, не ограничивает действие сверхимперативных норм какой-либо сферой частноправовых отношений — в Беларуси считаются таковыми обстоятельства, препятствующие заключению брака, — осложненных иностранным элементом).

О. Ф. Засемкова замечает, что необходимость обращения к категории сверхимперативных норм существует и в такой сфере, как трансграничные брачно-семейные отношения, поскольку в ст. 4 СК РФ, согласно которой «к имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений», допускается возможность для решения вопросов, не урегулированных Семейным кодексом РФ, по аналогии могут применяться предписания Гражданского кодекса РФ, в том числе и положения ст. 1192 ГК РФ о сверхимперативных нормах (нормах непосредственного применения) [6].

Ученые и исследователи выделяют такие сверхимперативные нормы среди условий, включение которых в брачный договор недопустимо, как предписания о недопустимости ограничения правоспособности и дееспособности супругов, их права на обращение в суд за защитой своих прав и интересов, распределение прав и обязанностей супругов в отношении детей (например, по поводу их воспитания), а также о недопустимости ограничения права нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания и включения в договор иных условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение [7], предписание о запрете регулирования брачным договором личных неимущественных прав супругов [4].

Правовая природа брачного договора неоднозначно оценивается учеными, в частности, дискуссионным в россий-

ской цивилистике является вопрос об отнесении брачного договора к гражданско-правовым сделкам, к смежным договорам гражданско-семейного права, или о рассмотрении его в качестве особого вида договоров семейного права. Отметим, что в настоящее время вопрос о возможности квалификации в качестве сверхимперативных норм предписаний, содержащихся в законодательстве разных стран, является предметом оживленных дискуссий как в отечественной, так и в зарубежной доктрине международного частного права. Тем не менее Регламент Европейского союза от 17 июня 2008 г. № 593/2008 о праве, применимом к договорным обязательствам (Регламент «Рим I»), под преобладающими императивными положениями предложил понимать нормы, соблюдение которых признано принявшим их государством в качестве имеющих принципиальное значение для охраны его публичных интересов. Из данного определения следует, что основным признаком сверхимперативной нормы является ее направленность на защиту публичных интересов, таких как экономическое, политическое и социальное устройство государства.

Опыт создания унифицированных актов, сложившийся в СНГ, Европейском союзе, Е. В. Олейник предлагает использовать для развития ЕАЭС и гармонизации правоотношений на территории единого правового пространства государств — членов ЕАЭС [7].

В период интернационализации гражданское и семейное право по-прежнему остается сферой, подверженной сильному влиянию национальных правовых и культурных традиций. Несмотря на то что в ст. 1186 ГК РФ закреплены положения об определении права, подлежащего применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных лиц или осложненным иным иностранным элементом, судебным спорам между супругами, имеющими различное гражданство или приобретающими имущество в разных странах, неизбежно сопутствуют проблемы применимого права, юрисдикции, признания судебных решений при определении состава имущества, подлежащего разделу, возможности отступления от равенства долей супругов, возврата имущества в совместную собственность супругов [8].

Как отмечает О. А. Рузакова, ЕАЭС фактически следует по пути создания внутреннего рынка, что в перспективе предполагает необходимость примирения неприметных на первый

взгляд, но все же серьезных различий правового регулирования международных частнопрововых отношений во многом непохожих друг на друга правовых систем государств — членов ЕАЭС для целей формирования единообразия этого регулирования [2].

Законодательство стран — членов ЕАЭС содержит как императивные, так и сверхимперативные нормы. В то же время сверхимперативный характер этих норм зависит не от судов, а от членов международного сообщества, в первую очередь суверенных государств, которые могут проявить заинтересованность и найти пути для унификации правового регулирования, опираясь в том числе на опыт стран Европейского союза [2].

По мнению О. А. Терновой, опыт гармонизации законодательства Европейского союза об осуществлении расширенного сотрудничества в области юрисдикции, применимом праве и признании и исполнении решений по вопросам имущественных отношений супругов и зарегистрированных партнерств не только способствует обеспечению большей правовой определенности и защите прав участников брачно-семейных отношений, осложненных иностранными элементами, но и может быть учтен при разработке новых правовых механизмов организации такого сотрудничества в рамках ЕАЭС [8].

Закключение. Движение интеграции неизбежно направляется и в сторону создания единообразных правил международного права. Поэтому с учетом опыта Европейского союза этот процесс для ЕАЭС, по мнению М. К. Татарнинова и И. В. Ляховой [9], будет выверенным, быстрым и эффективным.

Список использованных источников

1. Цирина, М. А. Гаагские конференции по международному частному праву [Электронный ресурс] / М. А. Цирина // Проблемы унификации международного частного права : монография / отв. ред. А. Л. Маковский, И. О. Хлестова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

2. Рузакова, О. А. Вопросы семейного права в интеграционных образованиях [Электронный ресурс] / О. А. Рузакова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

3. Отдельные виды обязательств в международном частом праве: монография [Электронный ресурс] / отв. ред. Н. Г. Доронина, И. О. Хлестова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

4. Канашевский, В. А. Коллизионные вопросы раздела между супругами совместно нажитого имущества, находящегося за рубежом [Электронный ресурс] / В. А. Канашевский // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

5. Мартасов, Д. Раздел зарубежного имущества: анализ споров [Электронный ресурс] / Д. Мартасов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

6. Засемкова, О. Ф. «Сверхимперативные нормы: теория и практика» [Электронный ресурс] / О. Ф. Засемкова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

7. Олейник, Е. В. Доля общества с ограниченной ответственностью как объект совместной собственности супругов в Российской Федерации и государствах — членах Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] / Е. В. Олейник // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

8. Терновая, О. А. Регламенты Европейского союза об имуществе супружеских пар и развитие судебного сотрудничества по гражданским делам [Электронный ресурс] / О. А. Терновая // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

9. Татаринов, М. К. Обзор решенных и нерешенных проблем международного частного права, возникающих в рамках правового регулирования внутреннего рынка Европейского союза [Электронный ресурс] / М. К. Татаринов, И. В. Ляхова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

11.09.2020

I. A. Nesmeianova

candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Department of Legal Regulation of Economic Operations
of the Law Faculty Financial University
under the Government of the Russian Federation

ANALYSIS OF CERTAIN PROVISIONS OF CIVIL LEGISLATION IN THE SPHERE OF CROSS-BORDER MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS IN RUSSIA, BELARUS AND KAZAKHSTAN

Abstract. The study highlights that the general equation contained in Art. 1192 «Rules of direct application» of the Civil Code of the Russian Federation

establishes two ways that allow by analogy to determine the super-mandatory nature of certain mandatory substantive rules stated. In particular, the article deals with the issues of international jurisdiction, applicable law, as well as qualification of legal concepts of the conflict of law rules. Despite the serious differences in the legal regulation of international private law relations, the author proves the need to create new legal mechanisms for organizing cooperation within the framework of the Eurasian Economic Union.

Key words: the interests of public order, mandatory substantive norms, super-mandatory rules, applicable law, property relations, prenuptial agreement, legal regime, overriding mandatory provisions, regime of spouses' property